

Бичук И. М. Мои воспоминания.

В том же 1925 году летом во время отпуска 19.VII. я женился на Валентине Натурной, которая приняла мою фамилию (в 1976 году 19.VII. отмечается „Золотая свадьба“).

По просьбе родных мы венчались в церкви. Это было сделано в 6 часов утра, когда город Умань спал. Сделано это было еще и потому, что шаферами были коммунисты.

Короче говоря, о нашем венчании город узнал после свершившегося факта.

За четыре месяца до свадьбы, т.е. в апреле 1926 года в моей жизни произошло небольшое событие, которое определило мою судьбу на все последующие годы моей жизни. Это поездка на днепровские пороги. В те годы только и говорили о предстоящей стройке Днепрогэса. Все газеты пестрели заметками об этом уникальном строительстве и увидеть пороги, которые вскоре исчезнут навсегда - стало моей неотступной целью.

Отпросившись у директора Офтальмологического института на несколько дней, я прямым поездом поехал 24. IV. в Днепропетровск. Там я узнал, что в соседнем селе Лоцманской

Каменке имеются люди-лоцманы, за плату перевозящие через пороги. И как раз сейчас пора – конец апреля и начало мая, когда самая высокая вода. Пошел туда. Переночевал в балке, что между Мандрыковкой и Лоц. Каменкой и утром 25. IV. уже был в селе.

Оказывается, что таких охотников посмотреть пороги перед их затоплением было много.

Я примкнул к двум лицам, по-видимому, студентам, которые уже шли к определенной хате, где жил лоцман, чтобы с ним договориться об условиях перевоза.

Между прочим, уезжая из Харькова, в дорогу, я захватил охотничье ружье. Вообще-то я не охотник, никогда в жизни не охотился. А ружье в мои руки попало случайно от одного харьковчанина, уезжавшего в Казахстан и продавшего мне за бесценок ружье и какие-то старинные книги.

Я как-то бессознательно взял это ружье: авось хоть раз в жизни поохочусь или хотя бы сфотографируюсь на Днепре в районе порогов на лодке с ружьем - это будет память потомству.

Денег же я с собой взял мало т. к. собирал их на свадьбу.

Лоцман, к которому мы втроем обратились, сразу же почему-то обратил внимание на мое ружье. „Вот бы мне такая рушныця“. Я ответил: „Ну, что-ж берите вместо грошей“. „Ото добре, гроши з Вас браты не буду, а тільки с тих двох“.

На том и порешили.

Переночевали тут же во дворе и утром чуть свет уселись на его „дуб“ и тронулись.

По дороге, заметив нашу общую любознательность, лоцман все рассказывал и рассказывал: о польской крепости в Старых Кодаках, которая была так прекрасно видна, так как мимо нее мы проплывали, о немецкой колонии Ямбург (ныне Днепровка), об истории села Волошское. Воды в Днепре было много и наша „чайка“ довольно удачно прошла Кодацкий, Сурский, Лоханский и Званецкий пороги. Но скоро лицо нашего лоцмана посуровело.

Он сказал несколько слов о селе Никольском и весь превратился "во внимание впереди".

Шум и грохот нарастали.

„Хлопцы, держитесь спокойно, не вставайте; как сидели, так и сидите, сейчас начнется самое главное“. Действительно, едва он успел это сказать, как лодку подхватило: что-то по дну скребнуло, нас всех залило водой и пеной и унесло быстро вперед. „Ну, слава богу“ -

лоцман перекрестился и мы, хлопцы, тоже за ним, уже смеясь, перекрестились. За поворотом Днепра перед с. Волниги мы на правом берегу Днепра сделали остановку: отдохнули, покушали, кто что с собой взял, и про себя как-то высказались, что "основное уже все сделано".

Лоцман поправил: есть впереди в двух километрах еще порог „Вовнигский“ - тоже опасный, но все же не такой, как „Ненасытц“. „Воды много, может быть, удачно его минуем.“ Действительно, Вовнигский порог был что-то среднестатистическое между Ненасытцем и тем, что были до него: Кодацкий и Сурский и т.д. Следующий порог – Будилковский тоже был не особенно опасным.

Вскоре Днепр сделал еще поворот на юг. Справа село Федоровка, слева громадный трехкилометровый остров „Таволжанский“, от травы „таволги“, которой запорожцы лечили своих лошадей. Через этот остров в период „Дикого Поля“ проходила знаменитая „Большая Татарская переправа“.

Остальные пороги Лишний и „Гадючий“ (или Вильный) по сравнению с Ненасытцем были детской игрушкой.

Стало темнеть. Мы приближались к Кичкасскому мосту, через который проходил товарный поезд. Лоцман заявил, что теперь поезда проходят чаще. Скоро тут начнется стройка, а нам, лоцманам, „капут“.

Проехали справа немецкую больницу „Бетань“, слева грозные скалы „Разбойники“ и красивый 194-х метровый Кичкасский мост. Справа немецкая колония Кичкас или Эйнлаге, показавшейся мне мрачной, т.к. было очень мало огней. Ещё мрачнее мне показалось урочище „Сагайдачное“ это на левом берегу рядом со скалой „Дурной“ против северной части остр. Хортицы - орлиным гнездом Запорожских казаков.

Мы пристали к мрачному урочищу „Сагайдачное“. На берегу переночевали и рассчитались с лоцманом. Тот поплыл дальше вниз продавать свой „дуб“, а мы втроем пошли к Кичкасскому мосту. Купили билеты по 5 коп. за его проезд, зашли на ст. Кичкас и затем отправились осматривать село Кичкас. Эта немецкая колония сейчас днем выглядела совсем не такой, как вчерашним вечером. Это было довольно бойкое поселение с заводами. Было немало и русских. Но немцев, а особенно немков мы сразу узнавали: последние были молчаливы и все в черном.

Нам посчастливилось. Нам попался какой-то геодезист, который очень подробно с картами в руках рассказал нам о той величайшей стройке, что здесь начнется с весны будущего года.

Тут, 27. IV. и решилась моя судьба.

Мысленно я дал слово себе, куда бы меня после интернатуры (глазной) не забросит судьба, но рано или поздно я буду тут.

Так оно и случилось. Через четыре года, 1-го марта 1930 года я уже был „навсегда“ здесь.

Вечером мы поехали рабочим поездом в Александровск (ныне Запорожье). Я купил билет в Харьков на какой-то проходящий поезд и утром был уже дома.

.....

Наступил 1931 год. Также памятный, тоже запечатлевшийся навсегда. Плотина уже начала поднимать воду в Днепре. Кичкас стал тонуть. Всех жителей выселили на возвышенную часть. Кое-кому пришлось потесниться. Мне предоставили комнату в квартире врача Тиссена.

Затопление Кичкасса представляло собою замечательное зрелище, длившееся несколько недель. Сначала вода затопила фундаменты, потом постепенно стены, наконец крыши. Вода прибывала очень быстро по сантиметру в час, каждые сутки по 1/4 метра. Нависла угроза затопления котлована будущей ГЭС. День и ночь укладывали мешки с песком. Уложили 30 тысяч и все же в последний раз Днепр, победил. Котлован затопило. После спада воды, ее из котлована откачали и стройка двигалась дальше.

Начали снимать знаменитый Кичкасский мост и перевозить его на Иртыш.

.....

Не менее интересным был 1932 год. В этот год о Днепрестрое заговорил весь мир. Этот год, затаив дыхание, ждала вся наша страна - год пуска Днепрогэса. На пятнадцатом году советской власти, наконец, осуществлялась наша мечта: Днепр стал судоходен на всем своем протяжении. Особенно стал замечателен день 28 марта, когда в 5 часов дня были уложены

последние бады бетона в плотину.

Незабываем был и день 1 Мая, когда пустили первый агрегат, но особенно 10-е октября 1932 года - день официального пуска Днепрогэса, когда уже работало 5 агрегатов. Это был особенно торжественный день. Приглашены были Калинин, Орджоникидзе, Чубарь и многие видные иностранные представители.

....

1-го Мая 1933 года вновь торжество: за всю мировую историю впервые прошел через покрытые водой пороги пароход "Софья Перовская". На нем были: Петровский Г. И., Чубарь и др. Но вообще 1933 год был неудачным и не только на территории, где возникла ДГЭС. Предыдущий год был неурожайным, засушливым и вся тяжесть недоедания пала на 1933 год. Было много "пухлых". Немало людей умерло от голоду.

Кстати, уехал и Винтер. Станцию заканчивали уже без него. Вся стройка перешла на левый берег, где воздвигали заводы Днепрокомбината (Запорожсталь, Днепроспецсталь, Алюминиевый, Коксохимический, Ферросплавный и др.) . -Уже там, на левом берегу, закипела творческая, созидательная работа. Постепенно правый берег становился западной окраиной большого Запорожья.

Зато 6-й поселок восхищал всех своей красотой, чистотой, освещенностью и многолюдием.

.....

Как известно на территории Запорожского края было много немецких (около 90) и болгарских (около 48) колоний. Все они были затрахомлены. Началась борьба с трахомой. И вот меня, как окулиста, посылают во все концы нашего края бороться с этой эпидемией.

Помимо этого, был также консультантом по своей специальности. Передвижение только самолетом. Короче говоря, едва ли есть на нынешней территории Запорожской области село, в котором я не был бы, или не видел бы его сверху из окна самолета.

Этот манускрипт хранится в Запорожской Областной Универсальной Научной библиотеке и представлен на странице <https://zounb.zp.ua/node/4262>

Информация об авторе этих воспоминаний: Иване Михайловиче Бичук, представлена на странице: <https://zounb.zp.ua/node/4261>